

ALEKSANDER KIKLEWICZ

Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie

СОВРЕМЕННОЕ ПОЛЬСКОЕ И РУССКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ В СВЕТЕ СОЦИОЛОГИИ НАУКИ¹

Contemporary Polish and Russian linguistics in the light of sociology of science

Ключевые слова: лингвистика, теория и методология языкознания, социология науки, социология наук о языке, лингвистическая парадигма, семиотическая лингвистика

KEYWORDS: linguistics, theory and methodology of linguistics, sociology of knowledge, sociology of linguistics, linguistic paradigm, semiotic linguistics

ABSTRACT: The paper deals with the description of linguistic knowledge using the theory of paradigms. The author focuses on two aspects of linguistic paradigms: the integration and the differential, highlighting the diversity of research directions in modern linguistics. The method proposed by the author is based on the assumptions of the sociology of science, according to which linguistics is regarded as a social system. Within the new scientific discipline described as linguistic sociology, a complex of the research procedures is expected, such as bibliometric analysis, analysis of public opinion, thematic analysis of journals, scientific sessions, grant policy analysis, analysis of academic and educational programmes of language learning, etc.

1.

В основе научной деятельности лежат 1) исследовательские (эвристические) стандарты; 2) научная картина мира; 3) философские основы науки (см. Степин 1989, 5). При этом необходимо отметить, что несмотря на существование общих требований к научной деятельности (см. Gokowski 2009), каждая из этих категорий исторически изменчива и по-разному трактуется, например, в моделях классической и неклассической науки, а также в национальных и институциональных традициях и практиках².

¹ В основе данной статьи лежит доклад, прочитанный автором на международной научной конференции «И. А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика» (Казанский федеральный университет; 13–15 октября 2015 года).

² Что касается философских основ науки, то одним из радикальных поворотов в науке прошлого столетия, который охватил и точные, и естественные, и гуманитарные науки, было введение Н. Бором принципа дополнительности. К. Э. Штайн пишет по этому поводу:

Динамичность и разнообразие научного знания отражена в известной теории научных парадигм Т. Куна (1977). Американский философ, как известно, трактовал научные парадигмы как господствующие в определенные эпохи стили мышления, способы постановки и решения проблем. Согласно этой, популярной в США и Европе, хотя и критикуемой, теории, каждой эпохе в науке соответствует определенная парадигма убеждений и исследовательских процедур.

«Конкуренция» или «борьба» научных парадигм отражает исторический аспект науки, однако и в синхронии – в рамках одной и той же парадигмы – отсутствует единство точек зрения. Такое положение дел со всей очевидностью не согласуется с теорией Куна. В каждую эпоху, особенно в гуманитарных и социальных науках, существует методологическое и эвристическое «многоголосие». Например, в XX веке принципиально различался характер лингвистических исследований в трех странах: Польше, СССР и Чехословакии. Это касалось интенсивности и содержания структурных исследований языка: апология структурализма в чехословацкой лингвистике никак не корреспондирует со сдержанным и даже критическим отношением к структурализму поляков, во всяком случае до 70-х годов XX века (Kiklewicz 2002; 2013a).

На отсутствие парадигматического единства в языкознании указывает и факт, что современная система лингвистических знаний имеет, в принципе, мультидисциплинарный характер. Немецкий ученый В. Вельте показывает это в виде множества оппозиций (Welte 1995, 217):

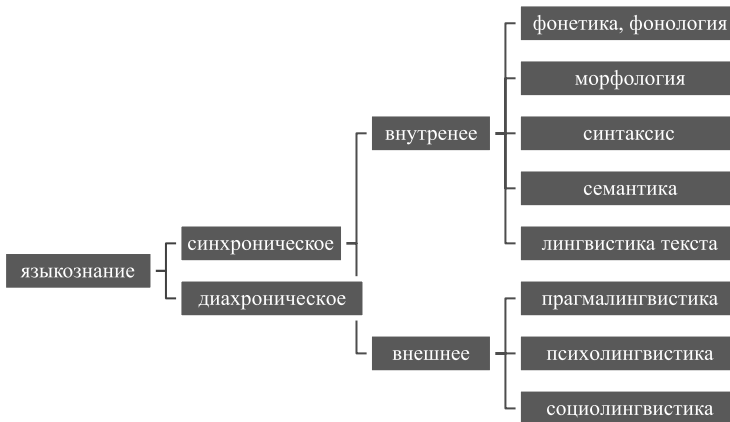

Рис. 1. Система лингвистических знаний (по В. Вельте)

«Принцип дополнительности Н. Бора был направлен на преодоление издержек классической логики, которая во многом основывалась на законе исключенного третьего. [...] Физики перестроили для себя поэтический критерий гармонической полноты описания на основе взаимоисключающих понятий» (2010, 247).

В современном, постструктурном или антропологическом, языкознании также наблюдается значительное расхождение теорий и методов – особенно это касается соперничества сторонников когнитивизма и коммуникативизма. Для примера приведу радикальные декларации представителей этих двух направлений.

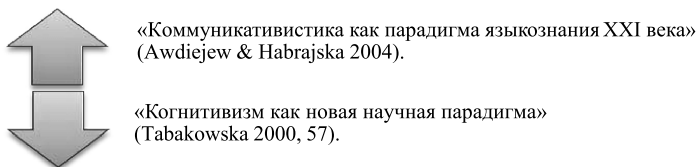

Рис. 2. Коммуникативизм и когнитивизм как два направления современного языкознания

Методологический плюрализм и даже антагонизм характерен также для других областей науки. Так, немецкий исследователь Ф. Крон пишет о двух направлениях современной педагогической науки: гуманитарном и социологическом (Kron 1999, 266). Кроме того данный ученый указывает и на более частные направления педагогических исследований: структурное, экологическое, эволюционистское и прагматическое, у которых свои предметы и свои исследовательские методы.

И. М. Савельева/А. В. Полетаев (2008, 351 ссл.) пишут о разных методологиях современных исторических исследований: одни основаны на принципах классической, описательной науки (например, в области военной истории), другие имеют инновационный характер: их предметом являются частные исторические дискурсы и медиумы коммуникации – такие, как история женщин, история радости, история любви, история поцелуя и др. Что характерно, решение теоретических проблем в исторической науке затрудняется тем, что, как пишут упомянутые авторы, «историки-эмпирики практически не принимают участия в методологических дискуссиях», т.е. научные программы (как наиболее существенные парадигмогенные факторы) оторваны к исследовательских процедур, и наоборот: эмпирические исследования не решают глобальных, фундаментальных проблем. Представляется, что такое же положение наблюдается и в современной лингвистической науке.

Сказанное убеждает нас в том, что кооперация в науке – на уровне отношений между научными сообществами – относительна, а система научного знания пребывает в состоянии энтропии. Х. Эйльштейн в связи с этим пишет: «Парадигма [...] не доминирует в науке данного времени, поскольку [...] ее более или менее существенные модификации представляют собой условие дальнейшего развития познания» (Eilstein 2009, 7; разрядка моя. – А. К.).

Делимитация и интерпретация парадигм языкознания кажется очевидной по отношению к истории лингвистической науки: прошлое в научной картине мира представлено в виде четко упорядоченных, разделенных временными границами эпох со своими системами ценностей, моделями поведения и прецедентными феноменами (в частности, авторитетами). В настоящем времени культура, по образному выражению А. Моля (2007, 84), напоминает колоритную мозаику (см. рисунок 3).

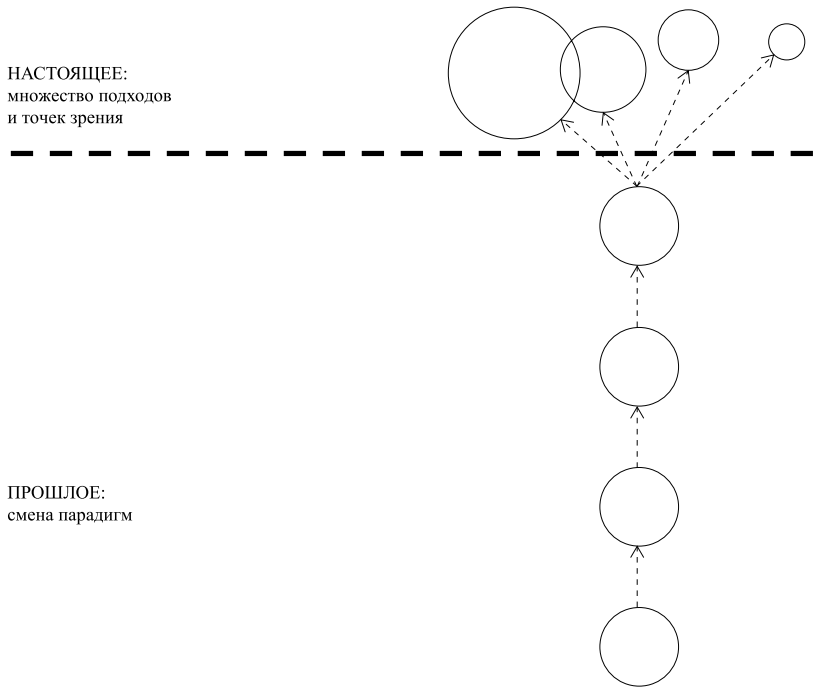

Рис. 3. Научные парадигмы прошлого и настоящего

В своем определении лингво-философских парадигм Ю. С. Степанов, следуя Куну, пишет о «господствующих» взглядах на язык. Перефразируя высказывание Р. Барта «Письмо – это акт исторической солидарности» (1983, 312), можно утверждать, что парадигма – это форма исторической солидарности ученых, неслучайно ведь Степанов писал о парадигмах как «явлении историческом» (1985, 4). Вопрос, однако, в том, насколько научное сообщество солидарно. В этом сомневается и сам автор теории научных революций, имея в виду прежде всего социальные и гуманитарные науки:

Остается полностью открытым вопрос, имеются ли [...] парадигмы в каких-либо разделах социологии. [...] Путь к прочному согласию в исследовательской работе необычайно труден (Кун 1977, 33).

Куновская теория парадигм трактует науку как своего рода *zero sum game* – игру с нулевой суммой. Как известно, это – игра, в которой возможно лишь два исхода: выигрыш одной либо второй стороны. Игра с нулевой суммой не подразумевает выбора и альтернатив. В действительности же, наука – это «игра с ненулевой суммой», когда ни одна из сторон не считает себя проигравшей.

Когда-то мне довелось смотреть документальный фильм, в котором рассказывалось об африканском племени, мужчины которого постоянно соперничают с соседями. В поединках этих чернокожих мужчин тот, который выигрывает, скрывается бегством. Здесь мы имеем дело с ситуацией, когда как бы нет ни выигравших, ни проигравших: бегство победителя открывает или означает возможность нового поединка, а значит, и возможность реванша. Как ни странно, подобные отношения можно наблюдать и в научном сообществе.

2.

В философии языка научные парадигмы определяются как формы деятельности научных сообществ, но при дефиниции, делимитации, типологии и интерпретации парадигм социальный фактор практически не учитывается: парадигмы классифицируются с учетом лингвистических, логических или семиотических критериев. У Ю. С. Степанова (1985) это – структуры языкового знака, у И. Бобровского (Bobrowski 1998) – типы мыслительной деятельности.

Нет, однако, достаточных оснований для утверждения о том, что единство научной парадигмы можно описать в духе аналитической философии³ – без учета человеческого фактора, а именно – влияния личности, авторитета, специфических социальных отношений, специфического формата научных сообществ, контекста и исторических предпосылок деятельности ученых⁴. Собственно, вопрос о реальном

³ Напомню, что ведущим принципом аналитической философии является абстрагирование от человеческого фактора и сосредоточение внимания на знаковых системах. В связи с этим Б. В. Марков пишет: «[В аналитической философии] язык – не просто метка предмета, его заместитель в сознании и общении, а нечто самостоятельное. Он является источником понятий, которые, как и обозначаемая им вещь или иной феномен, могут входить в значение слова» (2011, 29).

⁴ Например, в статье А. Кертес (Kertész 2010, 510) отмечается, что генеративная революция в языкознании, связанная с публикацией книг Н. Хомского, в частности, его «Синтаксических структур», не столько была обусловлена содержанием этих публикаций, сколько околону научными, идеологическими декларациями, которые радикально позиционировали теорию Хомского в оппозиции к предшественникам, особенно – сторонникам бихевиоризма. По отношению к научной деятельности довольно неожиданно

«большинстве» обычно и не ставится – никто из семиотических лингвистов не приводит доводов относительно того, что конститутивный для парадигмы «взгляд на язык» действительно является господствующим. Без этого, однако, а именно – без учета социального аспекта деятельности ученых, рассуждения о парадигмах теряют смысл.

Так, несмотря на утверждения сторонников когнитивной и коммуникативной лингвистики, а также все более многочисленных сторонников лингвокультурологии, что они представляют ведущие парадигмы в лингвистике XXI века⁵, нет никаких ни статистических, ни социологических доказательств этого факта. Например, большинство польских университетов не имеет определенного, единого методологического (парадигмального) профиля. Некоторые университетские центры с этой точки зрения более профилированы, однако важно, что эти профили диаметрально различаются. В работе: Киклевич 2013b, 30бссл., отмечается, что польские академические центры, как правило, имеют разные методологические ориентации: структурную, антропологическую, генеративную, типологическую, ономастическую, когнитивную и др. Значительным разнообразием характеризуется и ситуация в современном русском языкознании, о чем свидетельствует хотя бы деятельность нескольких научных формаций: лексикологической – в Екатеринбурге, прагмалингвистической – в Саратове, стилистической – в Перми, когни-

звучат такие выражения, как *revolutionary rhetoric* и *propaganda activity* (Koerner 1989, 115 i n.; 2002, 167 i n.; 2004, 19 i n.), но они отражают реальное положение дел. Американский физик Б. Грин в популярной статье, опубликованной в польском издании журнала „Scientific American” (2015/X), пишет об Альберте Эйнштейне, что распространение его теории отчасти было связано с воздействием личности ученого и его медийным имиджем: журналисты любили «смаковать» его крылатые фразы типа *Бог не играет в кости* или *Я не просто пацифист – я воинствующий пацифист*.

⁵ Эти научные дисциплины в немалой степени корреспондируют с содержанием постмодернизма как одного из ведущих направлений современной культуры, о чем пишет В. Цынарский: “Now, we reject the nineteenth-century positivist paradigm with its reductionism (including research and the man himself), the principle of the ‘no evaluation’, the myth of objectivity in social studies, etc. A new, humanistic and systematic paradigm must comply with the principle of humanistic coefficient. [...] Modified research approach should be accepted and recognized in their systemic, contextual and temporal dimensions. [...] Social sciences are incomplete without evaluation, and sometimes socially dangerous” (Cynarski 2014, 270 i n.). Польский культуролог Войцех Буришта высказывает подобную мысль в своей публицистической статье „Trwogi czasu popkultury”, опубликованной в газете „Tygodnik Powszechny” (6 XII 2009): „[...] Nacisk kładziony w dzisiejszych czasach na dobre samopoczucie stanowi odzwierciedlenie tego, że to jedynostka stała się sednem życia społecznego, moralnego i kulturalnego”. Роль личностного, в определенной степени окказионального фактора социальных процессов (как своего рода инсайтов), их неалгоритмический характер можно показать на следующем примере: Форд выиграл в свое время в предвыборной кампании у Рейгана, но проиграл Картеру. Это, однако, не означает, что Картер выиграл бы у Рейгана – как раз наоборот, что и подтвердили выборы 1980 года.

тивной – в Иркутске, лингвокультурологической – в Кемерово, словообразовательной – в Казани и т.д. В этом находит отражение тенденция современной культуры, в том числе и науки, к увеличению многообразия форм существования. Неслучайно В. Цынарский пишет, что современный постмодернизм (в культуре и науке) не является монолитным явлением – внутри него выделяется несколько достаточно самостоятельных течений (Cynarski 2014, 270).

Показательны и библиометрические данные. Мной были проанализированы – по тематическому критерию – лингвистические публикации последних десятилетий в двух значительных по объему библиографических базах: русской – ИНИОН и немецкой – IDS (*Institut für Deutsche Sprache*). Количественный анализ показал, что те направления, которые громко объявляются «главными» в современном языкознании, в действительности – на общем фоне – являются маргинальными. Так, публикации в области лингвокультурологии охватывают всего лишь 2,36% в русской базе и еще меньше – 0,55% в немецкой базе (самый маленький процент в немецком рейтинге!). Не лучше обстоит дело с социологией языка: 3,90% (ИНИОН) и 6,35% (IDS), а также с психологией языка и когнитивной лингвистикой: 3,14% (ИНИОН) и 3,53% (IDS). Зато ведущими – с точки зрения публикационного критерия – следовало бы считать направления традиционного описательного языкознания⁶:

Лингвистическая дисциплина	ИНИОН	IDS
стилистика	20,40%	16,58
описательная грамматика	14,01	16,71
прикладная лингвистика	14,89	10,10
лексикология	10,64	10,87

Надо обратить внимание на то, что количественные (процентные) данные по русской и по немецкой базе, в принципе, совпадают. Различия, в частности, касаются факта, что, в немецком языкознании значительно больше работ по коммуникативной лингвистике и анализу дискурса. Кроме того практически нет немецких публикаций по лингвокультурологии, которая в западной лингвистике преимущественно рассматривается как специфически постсоветское и постколониальное явление (см. Зарецкий

⁶ Подробнее об этом см. в моей работе: Kiklewicz 2015.

2008; Павлова 2010), встречаемое в России, Украине, Казахстане, Болгарии, Польше и некоторых других странах бывшего социалистического блока.

Наблюдения над современной ситуацией в языкознании показывают, что необходим радикальный пересмотр так называемой «семиотической лингвистики»: от присущего ей спекулятивного конструктивизма (алгоритмического подхода) необходимо перейти к аналитическим и дескриптивным методам описания деятельности научных сообществ. Только такой подход позволит относительно достоверно определить степень господства разных «взглядов на язык», магистральные и маргинальные направления в современных науках о языке. Делимитация парадигм не может осуществляться субъективно, «на глазок», как это делалось ранее. Например, является парадоксом то, что Степанов, выделив семантическую, синтаксическую и прагматическую парадигмы языкознания, совершенно проигнорировал формальную лингвистику, которая доминировала (не только в Европе, но и, например, в Китае) в течение многих столетий. Должны существовать объективные критерии выделения доминирующих стилей мышления, а прежде всего – социологический анализ деятельности научных сообществ.

И. А. Бодуэн де Куртенэ писал: «Язык не может существовать независимо от человека» (Baudouin de Courtenay 1974, 32)⁷. Подобно тому, как язык не может существовать независимо от человека, и языкознание не существует независимо от социального поведения, социальных отношений, социальных групп и социальной структуры. В связи с этим целесообразно привести цитату из публикации польского языковеда В. Писарека:

Czytając większość – polskich i obcych – publikacji poświęconych różnie rozumianym językom polityki, nie sposób się oprzeć konkluzji, że niemal cała literatura o tej «politycznie motywowanej odmianie języka» sama jest motywowana politycznie (Pisarek 1993, 3).

Социолог науки В. Цынарский (Cynarski 2014, 271) пишет о том, что политизация науки, в частности, учет в научных исследованиях такого фактора, как политическая корректность, является наследием прошлого и постепенно искореняется в сегодняшней науке, однако, как мне

⁷ В связи с этим следует обратить внимание на глубокую работу И. А. Щировой, которая рассматривает концепцию интерпретативной лингвистики при исследовании текста. В статье, в частности, читаем: «Текст в котором репрезентируются мысли и образы, порожденные сознанием субъекта, предстает перед нами как конечный материальный объект, и в качестве сохраняющего сообщение статического материала несамодостаточен. Лишь в живой мысли интерпретатора утверждают себя [...] смыслы, маркирующие субъективность индивидуально-авторского восприятия действительности и вербализирующиеся в тексте как частном варианте ее концептуализации» (Щирова 2008, 207).

представляется, полной независимости от этого фактора, особенно в случае социальных и гуманитарных наук (в первую очередь – истории), трудно ожидать.

Деятельность лингвистических сообществ и институтов должна рассматриваться как **социальный факт**⁸. Как известно, понятие социологии знания было предложено еще 20–30-е годы XX в. М. Шелером, который считал, что 1) каждое сообщество базируется на кооперации и коммуникации членов; 2) идентичность („*Sosein*”) каждого сообщества обусловлена культивируемой системой знаний (знания представляют собой фактор формирования и выделения данной социальной группы; знания индивида формируются с учетом социально релевантных знаний); 3) характер жизнедеятельности сообщества обуславливает содержание актуальной картины мира (системы знаний, убеждений, верований, предположений и др.), поэтому выбор предмета знаний обусловлен социальной «перспективой заинтересованности» („*soziale Interessenperspektive*”) (Scheler 1926, 52сл.). Идея Шелера о «социальных формах духовной кооперации» („*soziale Formen der geistigen Kooperation*”) (ibidem, 20) была подхвачена западными учеными, что способствовало формированию новой научной дисциплины – **социологии знаний**⁹. Лингвистика пока оставалась в стороне от этих исследований, хотя некоторые элементы социологии лингвистической науки можно обнаружить в работах по истории лингвистических учений, например, известного русского исследователя В. М. Алпатова (2004; 2005).

Социология наук о языке (социология языкознания, социология лингвистических знаний) должна решать комплекс взаимосвязанных задач, которые представлены следующим списком:

- анализ содержания научных публикаций (библиометрический анализ);
- в частности, анализ научных публикации наиболее авторитетных и влиятельных языковедов (определяемых на основании индекса Хирша или ему подобных, например, *Harzing's Publish or Perish*);
- анализ тематики научных конференций, а также изданных конференционных материалов (включая сборники статей);

⁸ В связи с этим обратим внимание на высказывание Н. В. Данилевской: «Посредством интертекстуального взаимодействия компонентов знания (взаимодействия научно старого и научно нового знания) научный текст реализуется как факт социально значимого явления» (2008, 230).

⁹ В. Цынарский (Cynarski 2014, 273) пишет о современной тенденции (как черте культурной парадигмы XXI века), состоящей в том, что научные знания все более сливаются с разнообразными формами ненаучной деятельности, такими, как туризм, агрокультура, физическая культура и спорт, новая медицина и др. Это также является предметом изучения социологии знаний.

- анализ содержания научных грантов и так называемой грантовой политики (включая государственные и частные фонды поддержки научных исследований);
- анализ содержания научных журналов, в первую очередь – наиболее престижных (т.е. с учетом так называемого импакт-фактора);
- анализ тематики кандидатских и докторских диссертаций;
- анализ лингвистических специальностей в университетских программах, в особенности – новых (включая постдипломное образование);
- анализ лингвистической номенклатуры в программах школьного (начального и среднего) образования;
- анализ общественного мнения (в среде языковедов, учителей, студентов, знатоков и т.д.) – анкетирование¹⁰ и др.

Представленная выше проблематика ранее в теоретическом языкознании не рассматривалась. Кроме того надо отдавать себе отчет в том, что исследование социологии языкознания предполагает значительный объем научных процедур, что под силу только большой группе исследователей. Надо надеяться, что данная тематика будет все больше и больше привлекать лингвистов, социологов, философов, став предметом крупноформатного научно-исследовательского проекта, возможно – в рамках международного сотрудничества ученых. Предложенная в данной статье информация может послужить точкой отсчета при реализации такого проекта.

Литература

- Алпатов, В. М. (2004), История одного мифа: Марр и марризм. Москва.
- Алпатов, В. М. (2005), История лингвистических учений. Москва.
- Барт, Р. (1983), Нулевая степень письма. В: Степанов, Ю. С. (red.), Семиотика. Москва, 306–349.
- Данилевская, Н. В. (2008), Textoобразующая функция оценки в научной коммуникации. В: Стил. VII, 227–235.
- Зарецкий, Е. В. (2008), Безличные конструкции в русском языке: культурологические и типологические аспекты (в сравнении с английским и другими индоевропейскими языками). Астрахань.
- Кун, Т. (1977), Структура научных революций. Москва.
- Марков, Б. В. (2011), Люди и знаки. Антропология межличностной коммуникации. Санкт-Петербург.
- Моль, А. (2007), Социодинамика культуры. Москва [издание третье].
- Павлова, А. В. (ред.) (2013), От лингвистики к мифу: лингвистическая культурология в поисках «этнической ментальности». Санкт-Петербург.
- Савельева, И. М./Полетаев, А. В. (2008), Теория исторического знания. Москва.

¹⁰ Одним из первых примеров исследований такого рода является монография польского ученого С. Гайды (Gajda 2003).

- СТЕПАНОВ, Ю. С. (1985), В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. Москва.
- ШТАЙН, К. Э. (2010), Филология и естественнонаучное знание. В: Стил. IX, 245-256.
- ШИРОВА, И. А. (2008), О человекомерности науки и текста. В: Стил. VII, 197-211.
- VAUDOIN DE COURTENAY, J. N. (1974), *Dzieła wybrane*. T. 1. Warszawa.
- VOBROWSKI, I. (1998), *Zaproszenie do językoznawstwa*. Kraków.
- CYNARSKI, W. (2014), The New Paradigm of Science Suitable for the 21st Century. W: *Procedia – Social and Behavioral Science*. 149, 269-275.
- EILSTEIN, H. (2009), 13 zagadek współczesnej nauki w 10 punktach. W: *Przegląd Filozoficzny*. Nowa seria. XVIII/1, 5-26.
- GAJDA, S. (red.), 2003, *Językoznawstwo w Polsce. Stan i perspektywy*. Opole.
- GOĆKOWSKI, J. (2009), Siedem powinności zawodowego uczonego. W: *Zagadnienia Naukoznawstwa*. XLV/3-4, 281-294.
- KERTÉSZ, A. (2010), From 'scientific revolution' to 'unscientific revolution': an analysis of approaches to the history of generative linguistics. In: *Language Sciences*. 32, 507-527.
- KIKLEWICZ, A. (2002), Paradygmaty lingwistyczno-filozoficzne w kontekście słowiańskich tradycji kulturowych. W: Zieliński, B. (red.), *Narodowy i ponadnarodowy model kultury*. Europa Środkowa i Półwysep Bałkański. Poznań, 263-278.
- KIKLEWICZ, A. (2013a), К проблеме культурной обусловленности научных парадигм: структурализм в славянских лингвистических традициях XX века (польской, русской и чешской). В: Kiklewicz, A./Wańnik, S. (red.), *Паланістыка – Полоністыка – Polonistyka 2012*. Мінск, 231-253.
- KIKLEWICZ, A. (2013b), Лингво-философские парадигмы как проблема теоретического языкознания. В: Демьянков, В. З. и др. (ред.), *Языковые параметры современной цивилизации*. Москва – Калуга, 303-313.
- KIKLEWICZ, A. (2015), W kierunku socjologii językoznawstwa: dywersyfikacja współczesnej wiedzy lingwistycznej w świetle socjologii nauki i teorii paradygmatów. W: *Biuletyn PTJ*. LXXI [w druku].
- KOERNER, K. E. F. (1989), *Practising Linguistic Historiography. Selected Essays*. Amsterdam – Philadelphia.
- KOERNER, K. E. F. (2002), Chomskyan 'revolution' and its historiography. In: Koerner, K. E. F. (ed.), *Toward a History of American Linguistics*. London – New York, 151-209.
- KOERNER, K. E. F. (2004), Linguistics and revolution. With particular reference to the 'Chomskyan revolution'. In: *Antwerp Papers in Linguistics*. 106, 3-62.
- KRON, F. W. (1999), *Wissenschaftstheorie für Pädagogen*. München – Basel.
- PISAREK, W. (1993), O nowomowie inaczej. W: *Język Polski*. LXXII, 1-9.
- SCHULER, M. (1926), *Die Wissensformen und die Gesellschaft*. Leipzig.
- WELTE, W. (1995), *Sprache, Sprachwissen und Sprachwissenschaft: Eine Einführung*. Linguistische Propädeutik für Anglisten. Frankfurt/Main.